Наблюдательная вышка. 1-2-1931 год

«Возмездие за грех — смерть» (Римл. 6:23)

Россия. Евангельская миссия в тюрьмах. Брат ... пишет нам:

«В 1929 г. я был арестован агентами Г.П.У. в ... ночью на дому. Шесть дней ежедневно меня допрашивали. Обвиняли в агитации против Советов — будто я в проповедях подыскивал специальные места в Библии. Кто-то передавал мои проповеди. Проповедь на 7-ю главу Даниила, о разрушении государств и о причинах их гибели, истолковали по-своему. Прочитанную мною 12-ю главу Откровения, о красном драконе, прямо отнесли к Советам. Конечно, все обвинения построены были на лжи. Допрашивали по 7–8 часов подряд, не давая ни отдыха, ни еды. Вымогали признания моей вины. Наконец, — тюрьма. Каторжная. При царе сидел я за веру по тюрьмам разным. Но прежние тюрьмы, по сравнению с Советским режимом, — игрушка. Кубатура моей теперешней камеры, по царскому времени, была предназначена на 18 человек, а теперь нас было 63 человека. Что за атмосфера, что за сутолока! Тут встретился я с двумя адвентистами, с тремя баптистами. Друг друга мы сразу узнали. Молодой верующий брат предложил мне место на нарах, а сам поместился под нарами — на цементном полу. Антисанитарные условия невероятные. Повсюду ползали миллиарды паразитов. Моими соузниками были крестьяне за продналог, не вступившие в коллективы, совхозы, коммуны. Людей посадили ни за что. Там я встретил 14 человек православного духовенства — староцерковники и обновленцы.

Меня поразило, что и здесь эти люди не примирились; у них были религиозные диспуты, ссоры — вплоть до ненависти. Духовенство узнало обо мне, что я сын священника: после некоторых

семинарских воспоминаний меня узнали. Я стал пользоваться уважением и доверием. Завязались у нас беседы о религии. В результате обратились к Господу три священника, дьякон, псаломщик, церковный староста и один зажиточный крестьянин.

Когда об этом узнало Г.П.У., меня наказали — перевели в подвальное помещение. Там было сыро, темно — днём горело электричество; людей было столько, что трудно повернуться. По стенам текла вода, было холодно. Спать приходилось буквально в воде. Появился у меня ревматизм, захромал. По совету некоторых обратился я к главному врачу. Вызвали меня на комиссию и освободили из подвала, в котором пробыл одиннадцать дней. Опять вернули меня в прежнюю камеру, к старым друзьям.

Просидел я пять с половиной месяцев. Чрезвычайная сессия Г.П.У. судила меня заочно. Приговорили к пяти годам высылки. Из-под стражи освободили меня на две недели, для устройства домашних дел. Подумал я пред Господом и решил воспользоваться временной свободой — с моим сыном-мальчиком убежал я в... По пути останавливался и проводил духовно-воспитательные собрания. Прошёл я пешком с сыном четыреста вёрст. Сын, после такого путешествия, заболел. Пробирался буквально без всяких средств, продавал на пути свои носильные вещи.

Писать о всех мытарствах очень много и трудно, но одно скажу — гонение в России на верующих превосходит по своей жестокости преследования первого века христианства... Слышится великий вопль детей Божьих: только Господь утешает и ободряет...

Церковь методистов в Петербурге была недавно закрыта. Причина — воскресная школа, ёлка для детей — подарки детям. Некоторые руководители арестованы. Одна из главных деятельниц выслана за границу.

К 1935 году Союз безбожников наметил закрытие всех церквей в России.

Польша - Печальный случай, напоминающий об осторожности. Брат ... сообщает нам: «В воскресенье.... назначили крещение. Перед тем братья-дьяконы захотели искупаться, а река у нас опасная. Во время купания один выдающийся наш хорист утонул. Уныние. Слёзы. К крещению возникли большие препятствия. Мирские люди стали поносить верующих. Картина ужасная. Да сохранит Господь от подобных случаев...».

Пятьдесят. Брат... пишет нам: «Тружусь, как разведчик в... общине ... В ней дьявол посеял гордость, когда люди спали. Наступило большое ослабление. В мир ушло около пятидесяти человек, и остальные немощны...

Везде идёт усиленная миссия, но, как видим из этого печального события, без серьёзной постановки миссии с самого начала, без планомерного утверждения верующих в чистоте христианского учения, — все евангелизационные усилия сводятся к нулю. «Лучше бы не познали пути правды, чем возвращаться...»

Канада. Свидетельство брата К. Шимуды:

«Придите, послушайте все боящиеся Бога, и я возвещу вам, что сотворил Он для души моей» — Псалом 65: 15.

«Родителями я был воспитан ревнителем православия. Я уже хотел быть монахом. В сельской школе, когда священник преподавал закон Божий, при пояснении десяти заповедей, мои мысли остановились на 2-й и 6-й заповедях. Я не мог согласиться со священником, что заповедь: «не сотвори себе кумира...» не относится к изображениям, а 6-я «не убий» — не относится к войне. После разъяснения священника, стал я томиться душой. Проходили годы... После русской революции один мой односельчанин, сосед Р. Ш., пошёл добровольцем в красную армию и в Белой Церкви, возле Киева, уверовал в Господа Иисуса Христа; после того, он оставил свою добровольную военную службу и последовал за Христом. Вернувшись домой, этот мой товарищ-сосед начал говорить мне о Христе. Однажды он сказал мне: «если ты не уверуешь во Христа, то кто же уверует в нашем селе?» Эти слова разбудили во мне то, что заложено было несколько лет тому назад. Нашли мы в соседнем селе Библию, отправлялись мы с братом Р. Ш. в уединённое место, и читали её, под открытым небом, по воскресеньям, с большой жаждой.

Молиться своими словами мы тогда не умели, а преклоняли колена и пели «Отче наш» на православный напев. Вскоре Господь послал нам ещё одного молодого человека, и тогда мы трое наслаждались чтением Библии. Узнал о нас православный священник и пригласил к себе для беседы. Господь сражался за нас. Наконец, священник сказал нам: «Трудно мне вернуть вас в православие; веруйте себе, как знаете, только не касайтесь моей паствы». Мы ответили на это, что Христовы овцы сами уйдут на путь Христов, и что мы молчать не можем.

Потом стало мне известно, что в 26-ти вёрстах от нас есть верующие. Тогда я отправился к ним. Не могу описать той радости, которую я испытал при встрече. Как на крыльях вернулся я на следующий день к моим друзьям. Впоследствии мы посещали каждое воскресенье тех верующих, а иногда и два раза в неделю. Ходили пешком. Вскоре мы смогли уже молиться в собрании. Потом мы пригласили братьев в наше село. Было большое собрание. Собралось множество народа слушать Евангелие. Явился и священник с полицией. Арестовали наших дорогих гостей, 13 душ. Мы сказали, чтобы арестовали и нас — мы не хотели расставаться с нашими братьями. Арестовали и нас. Продержав немного под арестом, нас выпустили.

Призвали меня на военную службу... После двух лет вернулся я домой и общину свою застал разбитой лжепятидесятничеством; потерял я и любимого брата, через которого некогда уверовал в Евангелие. Любить его я не перестал. Увещания лжепятидесятников не образумили их.

Родные мои воздвигали на меня такое гонение, что я вынужден был отправиться за океан — в Канаду. Истинные дети Божьи не могут удовлетвориться лишь благами земными. Земная жизнь в Канаде несравнима с жизнью Европы. Но много здесь и греха. Только в Господе успокаивается душа моя. Верующих здесь, разного наименования, много, но по букве. Многие из них курят, пьют, увлекаются мирскими развлечениями. Многие пастыри пасут самих себя. До крещения допускают невозрождённых. Венчают верующих с неверующими. Случается, что из толпы кричат проповеднику: «если ты проповедуешь Христа, то сними раньше золото с рук твоих, ибо это щегольство неприлично христианам». Свободно проповедуют под открытым небом, но успеха в деле Божьем нет. Некоторые проповедники одной рукой созидают, а другой — разрушают.

Милостивый Господь! Из глубины души благодарю Тебя, что Ты не погнушался меня, коснулся сердца моего и вывел меня из тьмы на свет. Води, Господи, меня Твоим спасительным путём. Дай быть мне верным Тебе и не страшиться противников. Богатства и чести не хочу. Одного лишь

жажду, чтоб в доме Твоём я мог пребывать хотя бы у порога. Вразуми многих проповедников, чрез которых истина Твоя в поношении, — да не рвут они церковь Твою на части. Сохрани, Господи, познавших Тебя от скверн мира. Помоги отдавать жизнь за ближних и не ждать за добро ни похвал, ни награды».

Основательное уныние. — Брат Х. Бебко пишет нам: «... Не хватает духа перечесть все союзы, разные общины, церкви, секты, разрозненные между собой... Без Христа, большей частью, такое множество. Теперь нужен больший бич Господа для «торгующих в храме».

Жнут, но не сеют. Один брат жалуется нам, что к ним ездят некоторые проповедники только для «праздников жатвы», т. е. соберут пожертвования и уедут до следующего такого же случая в будущем году. Слава Господу, подобных «проповедников» немного, но здоровым братьям приходится остерегаться такого дурного влияния. Справедливость, однако, требует сказать, что существуют и «овцы», разжиревшие, от которых дело Божье не имеет доброхотной, радостной жертвы — ни одной шерстинки! Они любят жаловаться, критиковать, беспощадно требовать. Тоже склонны, без посева, жать.

Швейцария. — ... Закончен подвиг добрый. Брат Д. В. Андропов сообщает нам: «Графиня Корф скончалась от удара. Проболела она только 36 часов. 14 декабря 1930 года было погребение. Господь явил Своё великое милосердие; дивным образом поддержал Он дорогого графа. Он был окружён горячей симпатией многочисленных друзей, которые, в самой различной форме, выразили своё глубокое сочувствие. Мы были свидетелями силы Божьей, проявившейся в графе. В следующее воскресенье после погребения он проповедовал уже среди русских; снова начал навещать больных, утешать упавших духом, поддерживать ослабевших...

Отовсюду. — Мировая безработица. К концу прошлого года безработных было около пятнадцати миллионов человек. В Германии — около 4 миллионов, в Англии — свыше 2 миллионов, в Италии — свыше полмиллиона, в Австрии — свыше четверти миллиона, в Бельгии — до ста тысяч, в Чехословакии — около шестидесяти тысяч, в Голландии — около 46 000, в Швеции — 43 000, в Дании — 44 000, в Венгрии — 23 000, в Ирландии — 20 000, в Швейцарии — 18 000, в Финляндии — около 10 000, в Норвегии — 8 000, в Югославии — 4 600, в Эстонии — 3 200. Появилось теперь безработных и в благоденствовавшей доселе Франции — около 11 000. В Соединённых Штатах Америки — около шести миллионов, в Японии — 386 000, в Австралии — 90 000, в Канаде — 21 000, в Палестине — 2 000.

Причины безработицы Международное Бюро Труда усматривает в таможенной войне между отдельными государствами, в образовании новых видов промышленности, в рационализации производства, в неравномерном распределении запасов золота и сырья.

А мы скажем, что народы мятутся от растущего нечестия и безбожия; эта причина, в корне, и нарушает все нормы. Верно, указанные явления создают трудности, но они оказываются последними, а до них — духовное расстройство.

С обожествлённого побоища снимается маска. Эрих Ремарк — прославленный современный писатель. Он, как участник войны, написал всего немного. Слава на долю этого немца выпала случайно. Он её не ожидал. А прославился он потому, что смело и талантливо сфотографировал

в своих произведениях весь ужас.

Война оставила много безработных, и последствия великой войны до сих пор ощутимы. Рассказал все поистине, как было. Людям надоела «святая ложь», и все с жадностью набросились на произведения Ремарка. У него есть грубости, но он честно старается передать правду. Несомненно, его произведения окажут отрезвляющее влияние на многих поклонников войны. Ниже приводим одно сильное место из его нового произведения «Обратный путь»:

— Ну, мама, какая чепуха, — смеюсь я. — Ты сама знаешь, что дядя Карл кулак и жмот.

— Я не про то, — говорит она тихо, — но как ты можешь... такие выражения...

Внезапно в ушах проносятся слова, произнесённые во мне. Мне стыдно, что я сказал их в присутствии матери. Прости, я нечаянно... Очень трудно освоиться с мыслью, что я не на фронте. Мы разговаривали там грубо, мам, очень грубо, но без злобы и без желания кого-нибудь обидеть...

Право же, мама, это пустяки. Все солдаты такие.

- Да, да, я знаю, — шепчет она, — но ты... неужели ты тоже...

Я смеюсь. Конечно, я тоже такой, хочу я сказать. Но рука моя внезапно падает, я в волнении сажусь на диван...

Передо мной стоит испуганная, взволнованная старушка. Руки её изъедены работой, покрыты морщинами, из-под потрескавшейся тонкой кожи выступают синие вены.

Вот что она сделала со своими руками, работая для меня. До войны я этого никогда не замечал. До войны я вообще многого не замечал, потому что был молод и беспечен. Но теперь я понимаю, почему в глазах этой бедной, огорчённой женщины я не должен быть таким, как все солдаты: я её сын.

Я всегда оставался для неё только сыном, даже когда был солдатом. Война была для неё нашествием диких полчищ, грозивших жизни „её" сына. Но ей никогда не приходило в голову, что её сын был таким же диким зверем, как сыновья других матерей.

Я перевожу взгляд с её рук на свои. Вот этими руками, в мае 17-го года, я заколол француза; кровь текла по пальцам, но я колол его, колол, охваченный звериной яростью. Когда француз, хрипя, прикрыл рукой рану, я не мог сдержаться и продолжал колоть через руку, пока он не свалился, как проколотая, потерявшая воздух шина. После того меня рвало и мучило слезами всю ночь. Только к утру Адольфу Ветке удалось меня успокоить.

Тогда мне было всего 18 лет, и то была моя первая атака.

Медленно я ворочаю руки перед глазами. При попытке прорвать фронт в июле я убил этими руками трёх человек. Трупы их весь день висели на проволочных заграждениях; ветром от разрыва снарядов качало поникшие руки, придавая им то угрожающие, то умоляющие позы; у одного из них, старика с седыми волосами, язык висел изо рта... Потом я как-то, на расстоянии 20 шагов, бросил ручную гранату под ноги английского капитана. Разрывом оторвало обе ноги.

Он страшно крикнул, упал головой назад, широко раскрыв рот, упираясь руками в землю и задрав туловище вверх, как тюлень. От потери крови он умер быстро.

И вот теперь передо мной мать, готовая плакать от того, что я огрубел и произношу во сне неприличные выражения...

— Эрнст, — говорит она тихо, — я давно хотела тебе сказать. Ты очень изменился... стал каким-то беспокойным...

Я соглашаюсь: да, я изменился. Каким ты представляла себе меня, мама? Тихим, задумчивым ребёнком. Никогда... никогда я не скажу, что пережил за последние годы; ты не должна даже подозревать, что такое было, что я стал... тем, чем я стал. Если бы ты знала сотую долю правды, сердце твоё разбилось бы на тысячу кусков. Ведь ты дрожишь от одного нечаянного слова, потому что оно осквернило созданный тобою образ любимого сына.

— Ничего, мама, все «образуется», — говорю я смущённо, стараясь успокоиться.

Она садится рядом и гладит мои руки. Я поспешно отнимаю их и прячу за спину. Она грустно шепчет:

— Бывают дни, Эрнст, когда ты мне кажешься совсем чужим. В такие дни у тебя бывает выражение лица, какого я раньше не знала...

Финляндия — Америка.

Многие верующие в Европе просили меня писать им о моей поездке за океан. Я не в состоянии, к сожалению, сноситься с каждым отдельно, и потому позволяю себе использовать страницы журнала «Верность» для этого личного бытового материала. Может быть, и другим нечто окажется интересным. Кое-что расскажу и для детей. Пишу наскоро и бессистемно, как частное письмо.

Совершенно неожиданно, минувшей осенью, был поднят вопрос о моей поездке в Америку. Господь особыми путями все устроил. Покинуть Финляндию было тяжело. Наше маленькое русское Евангельское братство срослось буквально, как одна семья. Предстояла прямо-таки операция. Нужно было разрезать целое. Как бы там ни было, но братья, хоть и со слезами на глазах, благословили меня в путь, имея в виду общее, по делу Божьему, и личное благо. Молились друг за друга горячо.

Ехать не хотелось, но 20 декабря 1930 года я тронулся с семьёй в путь. Последний месяц, дни и ночи, были особенно перегружены делами, и, только переплыв море от Гельсингфорса, я будто очнулся в Ревеле (Эстония) и почувствовал там острую тоску по русским верующим в Финляндии и по самой чистой, тихой, высококультурной, честной Финляндии; я пока не знаю второй такой прекрасной страны в мире.

От всей глубины души моей приношу мою горячую благодарность дорогим русским Евангельским верующим в Гельсингфорсе за восхитительный подарок — памятку. Это — серебряная тарелка, на которой художественной чеканкой изображена птица (самка-пеликан), по греческой легенде, кормящая своих детёнышей кровью своего сердца, в отсутствии отца, который отправился за

добычей для своей семьи, но не вернулся, ибо был убит злым охотником. Кроме этого, символического изображения, на тарелке имеется по-русски и по-английски соответствующая надпись, и там проставлены годы, которые мы провели в молитве, в духовном подвиге; упомянута и, рождённая Господом в среде нашей, „Верность". Одно лишь жаль — ценный подарок оказался накладным для карманов братьев. Финляндские гуманные власти и крупнейшие учреждения снабдили меня отличными документами.

В Эстонии нас встретили на Ревельской пристани милые русские евангельские верующие. Коротки дни, проведённые там. Ряд собраний. Господь с нами. Сердечность. Единство духа во Христе Спасителе. Грусть удвоилась после Финляндии, когда ревельская русская евангельская община провожала на вокзале — дальше. Какими словами благодарить ревельцев за всю любовь?

Ревель-Рига. Третий класс международного вагона очень хорош. В нашем купе, как дома. Проводник принёс нам чаю из самовара. А тоска растёт. Привык и к Эстонии, по которой много раз Господь водил. Хорошая страна. Бедность. Но расцветает она из её последних сил. Печально — многих друзей в Эстонии не успел навестить.

Рига. Встреча радостная со старыми русскими евангельскими работниками. Долгая деловая беседа. Общие молитвы. Много воспоминаний из прошлого. Так жалко покинуть и этих дорогих братьев. Вокзал. Прощание сердечное. Спасибо дорогим за многое. Красавица-Рига была тогда неприглядна. Было мокро. А город хорош.

Как невесело, что труженикам русской евангельской общины в Латвии (Рига и прочие места) миссии почти не оказывают никакой поддержки; эти труженики, порой в изнеможении продолжают неустанно их тихую, но верную духовную работу, на ряду со многими шумливыми соседями.

Рига-Берлин. После Риги вскоре оказываемся на границе Литвы. Ночью проезжаем Ковну. Нет времени остановиться в Ковне, а там ведь родные евангельские верующие (русские, литовцы, немцы). Стыдно было проехать мимо. Но иначе нельзя. Молитвенно вспоминал их в поезде. Не посмел пригласить друзей ночью на вокзал, да и маршрут до последнего момента был не ясен. Лишь под утро, на рассвете, подъезжая к Германии, увидел литовские поля. Повеяло каким-то родным духом российской провинции.

Германия. Пограничная станция её Эйдкунен, за литовским Вержболово. Багаж наш не трогали таможенные досмотрщики Эстонии, Латвии, Литвы. Вежливы. Немцы пару чемоданов слегка просмотрели, а двадцать или тридцать ещё (уж и не помню теперь) не тронули.

Германский поезд. Третий класс прекрасен. В купе, как дома. Быстрота. Вагон-ресторан. Главный ресторатор говорит по-русски. И весьма охотно. Кажется, считает за шик блеснуть русским. Но, кроме чаю, ничего нельзя было купить. После дешёвой Эстонии, дешёвой Латвии, германские цены нас больно укусили. Ну а с чаем немцы оконфузились. Немало всыпали они его в каждую чашку. Горько. А цены ещё горше. Попробовали мы перейти на кипячёную простую воду. И тоже вышло недёшево. Так что для нас хоть бы и не было вагона-ресторана!

Польша вклинилась в Германию. Союзными государствами ей был дан выход через Германию к

морю. Ехали мы по Германии.

Вдруг оказались в Польше. Пересекали польский коридор в течение двух часов. Польская администрация, но кругом германская культура. Снова Германия. Поезд идёт идеально. Поражают порядком германские города, станции, селения. Поля чуть ли не отшлифованы. Деревни сплошь из каменных, хорошо слаженных строений. Эх, как бы всё это на российских просторах! Германии тесно; может быть, потому и ухожен так каждый уголок. Людям из холодной Финляндии странно видеть в январе зеленоватые поля с озимым.

Берлин. Стихает стальной свист нашего скорого поезда. Шпалы в Германии железные. Мчащийся поезд «поёт» здесь по-иному. Поезд идёт: Ревель-Рига — около 12 часов, Рига-Берлин — около 19 часов. Берлин залит световыми рекламами. Движущимся электричеством изображается как мальчуган плачет из-за какого-то шоколада и радуется, получив его. Лампочки плачут и смеются «по-настоящему». Капает, льётся, искрится какой-то напиток и т. д. Фронтоны зданий обрамлены по карнизам, по крышам — светом. Эффектно. А здания! Все колоссально. История на каждом шагу. Есть большое сходство с нашим родным Петербургом. Немцы скажут: Петербург похож на Берлин, а мы говорим: Берлин похож на Петербург. Как-то был я в Берлине летом. Тогда он мне не понравился. Я не увидел хвалёного немецкого блеска. Теперь Берлин показался хорошим. Не хотелось покидать его.

Самое лучшее для нас в Берлине — это верующие русские и немцы, немцы и русские. Немцы любезны чрезвычайно, вообще, и добры; но к русским теперь какая-то нежная любовь. И это после ожесточённого взаимного истребления! Больнее всех бессмысленная бойня ударила по спинам русских и немцев. В несчастье дружба родилась. Верующие немцы любят русских, конечно, по Евангелию. Тут иные мотивы.

Русская Евангельская община вместе с её добрыми тружениками-руководителями приняла нас, по доброте своей, не по заслугам нашим, — по-царски. Служение в собраниях протекало во взаимной радости. Собрания были вдохновенными: дух присутствия Божьего был несомненным. Беседы с братьями до полуночи. Делились радостями и горестями, а разве без последних, где обходится дело? Одно собрание было немецко-русское или русско-немецкое - было трудно разобраться. Звучали вперемешку два языка. Душа во Христе была едина. На одном собрании, кроме проповеди, братски попросили меня верующие немецкие русские или русские немцы (правда, нельзя и не было нужды установить) — рассказать об евангельской работе среди русских в Финляндии. Я признался, что размазывать нечего — до того мала эта работа, но рассказал кое-что о хороших, мало использованных возможностях значительной русской работы в Эстонии и о заброшенных на краю Лапландии русских лопарях, где мне удалось побывать. И сердца загорелись. Были уже и вопросы, как можно там заработать на хлеб и трудиться для Господа. Поздно затянулось собрание. Люди терпеливо сидели в наполненном, красивом зале. А когда читал я свежее письмо, касавшееся религиозного положения в России (письмо печатаем в «Вышке», в этом номере), то люди были захвачены. Любят в Германии Россию, а русскую верующую причисляют к лику святых. Белые, красные — все в Германии неравнодушны к России, каждый, конечно, в своей сфере. Кто мог бы подумать, что поверженная Россия завоюет такие симпатии у своего недавнего врага?

Единственный в мире зоологический сад надо было посетить ещё раз. Чарует жизнь глубин

морских, показанная в богатейшем аквариуме. Тёмный коридор. По бокам стеклянные ящики. Вода в них всё время освежается. Они прекрасно освещены. Удивительнее всего — буквально живые цветы, вроде роз, тюльпанов, лепестки которых вяло то разворачиваются, то сжимаются. В особо нагретом помещении, точно мёртвые, лежат, великолепные в своём безобразии, ленивые, хищные крокодилы. А мы по мостику расхаживаем над ними, не смущаясь. Морской слон огромных размеров, с ужасно сознательными глазами. Отвратительные морские лошади — рыжие и беспокойные — всё время мечутся в воде. Тысячи птиц — крохотные и огромные. Невероятно симпатичные слоны с их "ребятишками". Огромные, злые, добрые, деликатные, с реверансами. Благородные жирафы, для которых заглянуть во второй этаж небольшого дома — пустяки; что-то около 3-х саженей высоты. Без конца — хищные звери. Два с лишним часа осматривали всё бегом. Пришлось оставить сад, не посмотрев ещё на многое. Не осталось времени на этот раз для бесчисленных дворцов-музеев.

Ещё одно оставшееся сильное впечатление. Немцы весьма охотно слушают русских, даже с переводом. Говорю о христианских кругах. Странно сказать, слишком много насыщенные христианством, немцы сильно нуждаются в новых духовных потоках. Мировые духовные ораторы и мыслители — англичане; но в Германии ими не особенно восторгаются. Там нужда в здоровом хлебе. Блёстки красноречия надоели. Своего много. Русские, по своей искренности, кое-что могут дать немцам для души. Для русских, как часто говорят, «двери» определённо открыты. Я говорю о душах немцев, а не о их кошельках. Немцев порядочно использовали для русского миссионерского дела, с финансовой стороны. Впрочем, не столько сами русские, сколько другие за них, в этом отношении, хлопотали. Но вот если захотели бы серьёзные верующие русские, которые просто захотели бы и имели бы возможность свидетельствовать об истинах Евангелия душам немцев, — добрый плод не заставил бы себя ждать. Время для того очень благоприятное. Среди простых людей жажда неповреждённой истины сколько угодно! Без всяких «нажимов», и средства великая щедрость, они сами потекли бы, для большей евангелизации. По сути, во всей этой спешке применимо слово Господа: «Ищите прежде Царства Божьего... и остальное приложится».

Берлин-Бремен. Пять часов скорым поездом. Солнце заливает зеленоватые поля. Опрятность немецкой провинции радует взор. Бремен — последний этап перед океаном. Тут с нами произошло превращение. У нас новое незавидное звание: «пассажиры 3-го класса». Ниже звания для океанского путешественника не существует. Звание — дело небольшое, но с ним связана практика. В «Норддойче Ллойд» раньше нам говорили, что только на второй день начнутся формальности к отъезду. Неожиданность. Нас с поезда отвели сразу в баню! Смутились. Семью разбили. Но оборудовано всё великолепно. Гигиена. Удобство. Вскоре обнаружили, что совсем неплохо — с дороги принять прекрасную ванну. Сразу же докторский осмотр. Глаза, руки — в порядке. Туберкулёза нет. Германским врачом «признаны годными» для океанского перехода и въезда в Америку. Довольно вежливо, но все по-военному. Из огромного Ллойдовского карантина нас повели, наконец, в наш «отель». Правда, так и написано: «Отель Америка». От Гельсингфорса все заботы о нас — Ллойда. Всё «даром». И остановки в предыдущих странах «даром». А заплатили мы от Гельсингфорса до Нью-Йорка около 110 долларов. Здоровье в «отеле» охраняется всемерно. Очень высокие помещения. Чисто. «Номера» весьма неплохи. Но до чего всё казённо, по-солдатски, неуютно! Всё немцы тут сделали, чтобы отнять у пассажиров

3-го класса уют. Ни одного лишнего стола, стула. Десятисвечная лампа. Тускло. И недостаёт-то ведь в этом великолепном помещении мелких вещей; тогда было бы отлично. Насчёт света я не выдержал. Запротестовал. В дороге везде, и здесь, я должен был работать много. Удача. Редактор «Верности» был снабжён светом по-человечески и мог поработать там отлично. «Ресторан» большой. Даром. Сытно. Но как невкусно! 3-й класс! Сидят! Первосортное мясо, но простыми ломтями; подано незаботливыми руками. Кельнера в порядке, но они точь-в-точь всё-таки «половые» русских чайных. После нашей неподражаемой Финляндии ужасно было неприятно есть в берлинских столовых Ашингера. Весь Берлин покрыт «сетью Ашингера». Спасибо ему — он подготовил нас к бременскому «отелю». В бедной Эстонии, в бедной Латвии едят несравненно лучше, чем в Германии, и даже, как теперь вижу, — лучше, чем в Америке. А уж Финляндия — роскошь.

Бременские немцы необыкновенно любезны. Если что спросишь, то немец не только покажет, но зачастую и доведёт. Догадывались они, что мы русские. Вопросы о России. Симпатии.

От безработицы всюду немцы в отчаянии и безнадёжно машут руками; к тому же десятки лет надо платить ещё контрибуции. В Германии изнеможение больше, чем в маленьких прибалтийских странах. Встретил человека, который рвался из Германии в Эстонию, чтобы спастись в последней от голода. Вот это нравоучительно для эстонцев!

Последний день в Бремене. Последний медицинский «осмотр» американским врачом. Огромный карантинный зал. Целая система железных решёток. Люди распределяются по клеткам. Команда — приготовить документы! Доходим до узкого прохода. Комиссия. Главенствует американский врач. Но где он был — я так и не понял. Подгоняемые, мы прошли где-то мимо него одетыми. Нас торопили. Никто нас не смотрел. Выдали нам карточки. «Годны» для Америки! Другие платили за «отель» (и дорого!), за носильщиков и прочее. Пассажирам из Скандинавии и нам, финнам, привилегии. Всё бесплатно. Русские пассажиры особенно дорого должны были за всё платить.

3-го января. Встаём в 5 часов утра по звонку. Завтрак. Едем из очень красивого и богатого большого города Бремен в Бременскую гавань. Поездка два часа. По пути болота. Неприглядно. Вагон плохой. Пассажиры 3-го класса! Много мне пришло корреспонденции в Бремен — «пассажиру 3-го класса... «Европы», каюта 1041...»

Порт. Ехал на огромной, самой быстроходной «Европе». Поднялся на борт её и вышел в Нью-Йорке и, признаться, почти не видел этого парохода со стороны; его внешность я знаю лишь по картинке. В порту из вагона, подошедшего к пароходу, нас с вещами высадили моментально. Не больше какой минуты я мог посмотреть на нашу «Европу», а так как борта её не по прямой линии, то я не мог видеть всего колосса. Электрическая лента живо перебросила наш багаж.

Войдя в пароход, утратил чувство пассажира 3-го класса. Белые, просторные каюты. Широкие коридоры. Отличные салоны. Полировка. Мягкая обивка. Комфорт. Много света. Но поразительнее всего вентиляция. Всё время не было тошнотворного пароходного запаха (смесь машинных масел с кухней). По коридорам, в каютах — ветер, как на улице. И тепло. Чистый, чистый воздух. В каюте автоматически можешь ветер увеличивать, уменьшать. Немножко надоедлив, может быть, вентиляционный шум. На океанских пароходах нельзя ходить от кормы до носа. Каждому классу — своя палуба. Наша порядочная палуба недалеко от носа. Интересно.

Вся работа матросов на виду. Зимний сад 1-го класса помещён — над нами. Не так уж велико, на деле, различие. Где-то оркестр играет марш. Отваливаем. Наша палуба высоко — примерно 3-4-й этаж городского строения. Ни малейшей в пароходе дрожи, во время хода. 49 000 тонн водоизмещения! (около трёх миллионов пудов!). Быстрота хода. Мыслима ли качка? Какие-то бассейны с водой, для автоматического выравнивания парохода в качку. Какие же должны быть волны, чтобы раскачать этот город с тысячами людей? Часы проходят, пока бегаем с одного места на другое, — в восхищении. Торжественно. Первая еда. Обстановка столовой — отличный ресторан. Но окна фальшивые. Стеклянные шкафчики. Освещение изнутри — будто солнце. Столовая почти в воде. Меню богатое. По карте выбор блюд. Названия самые парижские. Вышколенная прислуга. Официанты. Но, пожалуйста, не смешивайте их труд с обыкновенными ресторанными официантами, труд которых, сравнительно, небольшой, и которые, большей частью, развращены «чаевыми». Пароходный служащий — все: носильщик для багажа (тогда в красивых мундирах), официант у стола (в белых тужурках), уборщик (в костюме рабочего): моет, чистит все помещения; у каждого своё место. Мало времени для отдыха. Помогают больным в каютах. Морская болезнь пассажиров доставляет им много хлопот. Они же и советники, насчёт разных формальностей. Но стол не вкусный. Немецкий стол для русских пресный. Тут мы вспомнили, что мы, действительно, в 3-м, всё-таки, классе. Нас угощали шоколадом. Но варили его на воде! Вместо поддельного шоколада дали бы лучше чаю. Однако, стол был разнообразный, обильный, сытный. Красивая сервировка. В каюте мы имели окно. Море на виду. Спокойно. Душа так восторгается красотой моря, что даже устаёшь.

Тысячу раз чудно! Проспали ночь. Подходим к Англии. Саутгемптон. Бросаем якорь. Красивые гористые берега. Поместья. Замки. Зеленеют пригорки. Всё купается в солнце. Радостно. Как хорошо Божье творение! Подвозят целый маленький пароход почты для Америки. Перегрузка больших мешков. Почту грузят несколько часов. Если бы посмотрели люди, сколько труда и пота около их писем!

Снимаемся с якоря. Курс — на французский Шербур. Плывём и всё едим. До пяти раз в день. Начинает дуть ветер. На палубе стоять нелегко. Но «Европа» спокойна. Шербур. Якорь. Подходят пароходы. Почта для Америки. Пассажиры. Вечер. Огромный американский «Левиафан» — рядом с нами. «Европу», на которой ехал, так и не видел снаружи, а «Левиафан» рассмотрел. Он больше «Европы», но скорость его отстаёт. Наша «Европа» мчится, как поезд-экспресс. Океан проходит всего лишь за шесть дней, а в прежние времена ходили три недели. Но скажу о «Левиафане» — не велик он на море. Огромен океанский пароход, когда прижмётся к берегу. Красив «Левиафан», когда засветится тысячами огней. Он отстал от «Европы».

Выходим в океан. «Европа» слабеет. Начинается качка. Накануне в тишину пассажиры буйствовали в салонах, напившись пива и вина. Безобразничали, как только умели. Присмирели теперь. Трое суток продолжалась качка. Болели мы по очереди. Слегка. Одному было лучше, другому хуже. Помогали друг другу. Но вылежать свободно можно, без особых страданий. Столовая опустела. Храбрецы возвращались поражёнными. По дороге к каютам были беды. Тошнота, рвота. Лежать надоело. Пробовали есть в столовой, ходили, а потом опять — на бок. Но надо храбриться. Нельзя позволять себе много лежать. Это помогает. Много значит воля. Одна ночь была особенно плоха. Носовая и боковая качка. Судно вздымалось на хребет волны, потом, с крупной дрожью, обрывалось. Были часы, когда казалось, что едешь на большой деревенской

телеге по сугробам и выбоинам. «Европа» кряхтела самым настоящим образом. В каютах скрип. Волны окатывали по временам открытую и закрытую палубу. Пароход с скрипом и грохотом обрывался с гребня волны и будто замирал в тишине. Подозрительная тишина! Ночь. Выхожу смотреть, что делает команда. Спокойно. Дежурные дремлют. Обычно. Качаясь и цепляясь за перила, спускаюсь в столовую. Люди в такой качке беснуются, под звуки джаз-банда, в безобразных танцах. Вид их — полусумасшедших. Гнилые души, но пока ещё крепкие, осквернённые грехом, тела. Но сдают и они. Молюсь.

Рано утром католическая служба. Молодой ксёндз. Служба без слов — молча. Только церемониальные движения по обряду. Алтарь походный — из чемодана. Немножко людей. Служба в курительном салоне. Табак. Противно. Немец-патер, молодой, уступает качке. В столовой его не видно.

Часами лежу, глядя на волны. Не так высоки, как длинны. Хорошо, когда пароход взбирается на волну, потом скатывается, зарывается носом в подножие следующей волны; пена, как в большом водопаде, — белая, белая; окрашивается голубым цветом и переходит в синеву. Посреди океана видел лишь одну чайку и морскую ласточку, вынырнувшую из воды, пролетевшую коротко по воздуху и вновь погрузившуюся в воду. Люди видели, за сутки до Нью-Йорка, стаи очень крупных каких-то рыб, выплывших на поверхность. Мне не довелось увидеть.

Каждое утро часы отводят на час назад. Пройденное расстояние меняет время. У Нью-Йорка разница дней оказалась на 6 или 7 часов (не помню точно). У нас здесь 7 часов вечера, а в Финляндии, Эстонии, Латвии — 2 часа ночи. Подходим к Нью-Йорку. За сутки водворяется тишина. Столовая полна. Веселы. Едят аппетитно.

Неописуемое сознание нашей человеческой ничтожности и безмерного величия природы Божьей охватывало меня посреди океана, когда тысячи миль отделяли нас от суши. С другой же стороны, каким разумным сотворил Господь человека, и какою волей наделил своё создание. Стихии природы человеку подчинены во многом. И это потому, что мы созданы «по образу и подобию Его». Я много думал о Христофоре Колумбе, открывшем Америку. На небольших кораблях, с 120 матросами, он отправился в 1492 году к неизвестной стране. И какие последствия!

«Уютный» и в тепле — я любовался подвигом моряков. Как велик их труд в постоянной тяжкой борьбе с беспощадными ветрами! На открытом носу стоит дозорный. Как пронизывает ветер на океане! Он рвёт, впиваясь в человека. Обывательским языком, назову «корзинкой» то, что высоко прикреплено на мачте для другого дозорного. Воюющий ветер яростно набрасывается на каждую мелочь судовой снасти. Мы цепляемся за канаты и за перила, чтобы не быть сброшенными за борт. Не выдерживаем и скрываемся скоро в комфортабельное тепло. А часовой — высоко, страдая, рискуя, в темноте кромешной, над бушующими волнами, окружённый непрестанными ударами яростных порывов, рвущихся в необъятные пространства вселенной воздушных сил, — впился зоркими глазами вперёд, отыскивает хоть малейшую постороннюю точку в двух океанах: водном и воздушном. Капитан со своего мостика (для командиров большая крытая веранда) делает поверку часовому (бодрствует ли?) двумя-тремя-четырьмя ударами в колокол с разными, каждый раз интервалами. В ответах — точное количество ударов, точные выдержки интервалов. Только тона разные. Красиво. Торжественно. Трогательно. Часовой как бы отвечает: «Сл-е-ж-у!»

А насколько же больше любвеобильный Спаситель бодрствует за нас! И мы безопасны от всяких столкновений в бурях и туманах жизни.

Получил я разрешение на осмотр всех классов. Дворцы первого и второго класса столь же пышны, сколько и отталкивающе своей кричащей роскошью. Большинство в первом классе — люди, жизнью пресыщенные. Там не самые уютные залы. Кормят чуть ли не птичьим молоком. Театры, залы. Декорированные вестибюли с одной роскошной лестницы. Посмотрели вниз — высота больше трёхэтажного дома. Лифты. Бассейн для плавания. Большие апартаменты заменяют каюты. Палубы открытые, загоны широкие. Цветы. Оркестры. Концертные залы. Сказка. Мало похоже всё здесь на пароход. Очень.

Ходить при качке там было тяжело. Прелестные салоны с автоматическими играми — фигуры на них движутся электричеством. Целые настоящие магазины подарков; дорогие вещи. Библиотеки. Всевозможные игры для взрослых. Не знают люди здесь, чем заняться. А матросы, охраняющие жизнь пассажиров, под студёным ветром, в опасности, несут их верную вахту. Вначале я хотел ехать в классе для туристов — между третьим и вторым классом. Публика здесь немного почище, и положение их получше при формальностях. Но хорошо, что поехал в третьем классе. Экономия на каждом билете около 30 долларов. Немножко покомфортабельнее, ближе к машине. Даже второй класс.

Небольшая тряска и порядочный шум. Когда я сел в хорошем месте. Если кто поедет, весьма советую кабинки 3-го класса, номер 1040. Почти посредине парохода. Далеко от машины. Думают, что при высадке в Нью-Йорке, пассажиры высших классов облегчены всегда в отношении формальностей. Не верно. На Эллис-Айленд («Остров Слез», карантин для вновь прибывающих) попали — видел я — и пассажиры второго класса.

С океана посылались радиотелеграммы. На «Европе» ежедневно печаталась газета. Меня в океане догнали забытые в Финляндии вещи. Не понимаю — как?

К Нью-Йорку. Навстречу нам небольшие суда рыбаки. Опасный заработок. Выходят в океан. Озабоченные лица даже у пустых весельчаков. Ждут формальностей. Не был бурным, но опаздываем на целые сутки. Испытанной трёхдневной качке не придаю значения. Но ведь не спроста же болтались мы лишние сутки в океане. Перед нашим переходом и после, местами были сильные бури. В море всё время было тепло. По-весеннему.

10-го января. Утро. Нью-Йорк. Доки. Всё заволокло дымом. Гудки. Шум. Неприятно. Распределили нас. Мы попали в самую непривилегированную группу. Наши медицинские карточки с отрезанными углами. Мы уже из Бремена, поэтому были обречены на Эллис-Айленд. Узнали только теперь. Почему-то дали нам посидеть в роскошном зале второго или первого класса. Команда. Спустили нас на берег в Бруклинской гавани Нью-Йорка. Попали мы в железную клетку без крыши. Осмотр багажа. Ужас. Неужели десятки чемоданов надо перевернуть. Бог послал нам негра таможенного инспектора. Я ему сказал, что проповедник и работник христианской печати. «Олл райт!» (отлично!). У меня были с собой многие прекрасные рекомендации самых солидных учреждений. Куда-то сбегал мой чёрный друг, у кого-то повыше спросил. И я был облегчён, самым лучшим образом. Быстро, без затруднений. На радостях, я говорю ему: «Я буду за вас молиться с благодарностью, но верующий ли вы?..» Каково же было

моё удивление — он оказался евангельским верующим. Протянул мне по-братски руку и исчез. «Вот ангел Божий!» — подумал я. Теперь не проходит дня, чтобы я не был среди негров, и что это за милые люди! Ллойд прислал нам в нашу загородку бульон и бутерброды. Мы все устали. Прохладно. Нервы у всех напряжены. И этот горячий бульон был теперь большим делом доброты. Попавшие к нам пассажиры 2-го класса были очень обижены, но оставили они спесь свою и, с видимым удовольствием, принялись за наш бульон 3-го класса! Из этой железной загородки перевели и погрузили нас на какую-то баржу, похожую на старую, старую большую крестьянскую избу. Это из роскоши-то «Европы»! У нашей плавучей избы, понятно, не могло быть никакой машины. Как-то боком толкал нас другой пароходик. На недалёком острове виднелось очень красивое строение. Большое, стильное. Мы гадали, что бы это значило. Какой-то музей, палаццо. Что-то античное, турецкое... Ах, как красиво! Налево от него, совсем рядом, знаменитая позеленевшая огромная статуя Свободы. К этому-то красивому зданию всё ближе и ближе «подпихивал» нас боком пароходик, пока мы не оказались у его широкой лестницы. Это и есть Эллис-Айленд! Ввели нас в огромные помещения. К доктору! Багаж от нас отделили. Комиссия просматривает бумаги. Мы попали к 4 ч. дня в субботу. Занятия как раз заканчивались. В воскресенье — день неприсутственный. Мы остались до понедельника утра на «Острове Слёз». Удобства для тела там удивительные. Но души людей тяжко страдают. Мы не плакали. Да и не от чего было плакать нам. Но я вскоре увидел, как в тарелку с очень хорошей пищей слёзы текли у моей соседки-немки. Да, это «Остров Слёз»! Люди там томятся с разбитыми надеждами и в страхе ожидания неизвестного будущего, очень подолгу; и, большей частью, по собственной вине. Власти делают всё, с огромными затратами, чтобы облегчить душевное состояние людей, но так как на этой, самой огромной в мире, эмиграционной станции собраны люди всяких родов, то ограничение свободы на некоторое время делается необходимым. Крайне интересно было побывать в этом месте. Эти полтора суток — у меня история. Можно было бы дать пространное описание. В воскресенье пришёл проповедник методистов. Богослужение. Я был представлен ему инспектором, как духовный служитель. Проповедник пригласил меня на платформу. Давно я не слушал проповеди с такой жаждой, как в этот раз. Он говорил, что можно быть счастливым во Христе, независимо от внешних обстоятельств. К обитателям «Острова Слёз» это очень подходило. Представилась у меня возможность на пути убедительно засвидетельствовать одному советскому деятелю о тяжести греха безбожия и насилия и о чистом подвиге веры гонимых христиан. Он слушал. Явно сочувствовал и смущался. Человек был совестливый. Утром в понедельник я, со своими, был вызван сразу к Комиссии. Инспекторы, как судьи, — весьма почтенные. Несколько вопросов. Наши ответы, каждого отдельно. Вручают мне торжественно наши въездные документы, в сопровождении нескольких весьма любезных слов. Испытаны! Свободны! Впущены! Среди видных американцев и русских у меня много друзей в Америке. Но не было надобности их беспокоить для содействия к освобождению из карантина. Перед выездом, сюда пробрался один дорогой русский брат за нами. Радостная встреча. Переплыли в Нью-Йорк и растворились в Америке. Небоскрёбы нас накрыли. Новый строй жизни! Ничего почти общего с Европой. Около семи-восьми тысяч вёрст от Финляндии! Начались американские «чудеса». Много их. Всё любопытно. О них надеюсь дать очерки в следующих номерах «Верности».

А. Добрынин. Америка, Филадельфия. 04 февраля 1931 год

От РЕДАКЦИИ.

При огромном напряжении, с небольшими силами и ещё с меньшими средствами, Редакция «Верности» и Книжный Склад её (Господь дивно помог!) переведены в Америку. В Финляндии и Эстонии «Верность», по-прежнему, имеет верных усердных технических сотрудников. Значительная часть Книжного Склада «Верности» оставлена в Финляндии. Печатать «Верности» мы намерены продолжать в Эстонии. Экспедиция (рассылка журнала) будет производиться также из Эстонии. В разных странах «Верность» и ныне имеет преданных литературных сотрудников, глубоких христиан.

При переводе Редакции и Книжного Склада «Верности» в Америку, конечно, не была выпущена из виду некоторая, обычная в таких случаях, заминка в ходе дела, но действительность перепутала все расчёты. Независимо от Редакции, большие задержки происходили на каждом шагу и потребовали несколько недель лишних. К тому же, по дороге создалась ненормальная обстановка — особая духовная забота, деятельность и вынужденная праздность, чего на месте не было. Тысячи вещей и дел были буквально перевёрнуты. Максимум организационных усилий не дал ста процентов ожидаемого. Расстройство, сдвинутого с места, сравнительно большого дела дошло до такой степени, что, одно время, была утрачена власть над вещами — они стали управлять нами. Мы не могли заранее подготовиться к непрерывному ведению дела, так как вопрос о перемещении Редакции и её Книжного Склада возник совершенно неожиданно и требовал своего разрешения в течение короткого времени.

Но Божья помощь очевидна — полнейшее благополучие, насчёт переезда, насчёт большого груза и прочего. Наш груз был около шести тысяч килограмм, и всё, до мелочи, сохранилось идеально. Во многих случаях предоставлялись самые дешёвые способы, с различными скидками и т. д.

Сердца наши сильно отягчены лишь сознанием вины перед читателями, перед заказчиками, перед сотрудниками за невольную большую задержку в исполнении наших обязательств перед ними. Молимся, чтобы Господь расположил сердца — потерпеть на нас нашу теперь особенную неаккуратность. И мы крепко надеемся на доброту наших друзей. Наше утешение — в их великодушии.

Дело «Верности» начинает выравниваться. Надеемся, нам удастся, через некоторое время, вознаградить наших друзей выдающимся материалом — он у нас имеется. Слишком потерпевшие от наших теперешних задержек могут наложить на нас «штраф», и мы готовы его нести.

В богатой Америке мы теперь стали беднее — куда беднее, чем были в Финляндии! Переезд и перевод дела истощили наши финансы. Яровая безработица также отразилась на денежных поступлениях. В Америке — небывалая бедность. Пусть никто не подумает, что «Верность» окунулась теперь в море долларов. О страшном кризисе в Америке давно было известно нам, и всем здесь воочию видим. Если бы каждый доллар, да долларов было тут и много, всё равно мы хотели бы положить все силы, чтобы сохранить наше независимое положение, — чтобы нам трудиться только пред лицом Божиим, не взирая на лица человеческие; кроме того, мы не хотим отрывать драгоценное время от чисто духовной работы и не хотим заниматься специальными денежными сборами. Это — совсем не в нашем характере.

Поэтому, убедительно просим наших дорогих читателей не только продолжать посылки нам их подписных платежей, но и найти все возможные способы помочь журналу. Ваша поддержка будет

высоко оценена и сослужит духовным целям «Верности» большую службу, — особенно в это нелёгкое время.

Просьба — иметь в виду, что около 20-х чисел декабря 1930 года затонул финляндский пароход «Оберон», шедший из Англии. На нём могла погибнуть часть корреспонденции для «Верности». Возможно, по этой причине некоторые не получат ответов.

Если кто не получает «Верности» от ревельской экспедиции, просьба немедленно сообщить об этом Редакции «Верности» в Филадельфию. Декабрьский номер разослан в первых числах января 1931 года.

НА ПОМОЩЬ ИЗГНАННИКАМ (ГОНИМЫМ РОССИЙСКИМ ХРИСТИАНАМ)

По воззванию, напечатанному в «Верности» в октябре 1930 г., поступили до 1-го января 1931 г. в редакцию следующие доброхотные дары великодушных верующих:

- Е. Фартакова: 1 доллар

- Д. Ковалев: 1 доллар

- Л. Мжачик: 1 доллар

- И. Клеманский: 2 доллара

- Я. Янович: 2 лата 12 сантимов

- И. Д. Ильинич: 5 долларов

- Русских верующих в Румынии, через бр. Н. И. Кравченко: 15 долларов 70 центов

- От неизвестного русского брата из Австралии: 2 английских фунта стерлингов (около 9 долларов 50 центов)

- М. Грапов: 3 доллара

- От русских евангельских христиан в Гельсингфорсе: 200 финских марок

- В. Кострикин: 1 доллар 40 центов

- А. Кутра: 68 центов

- Т. Розгонюк: 3 доллара

- От пожелавшего остаться неизвестным из Финляндии (евангельский христианин): 130 финских марок

- А. Ниляндер: 50 американских центов

- М. Кузьменко: 20 франков

- А. Ершов: 50 финских марок

- А. Цыбовский (или Кубовский): 3 доллара

- М. Митринюк: 100 румынских лей

- Анна Чушук: 10 долларов

Да вознаградит Господь за христианскую доброту всех жертвователей.

Поступили некоторые заказы на календари, после объявленного срока. Календари до того разошлись. Тут Редакция «Верности» не виновата в неисполнении заказов. Платежи возвращаются. Рукописи, подписки, заказы, платежи, посылки и пр. просьба направлять только по адресу: A. Dobrinin, 1213 N Franklin St., Philadelphia, Pa. U.S.A.

ПЕРЕПЛЕТЕННУЮ «ВЕРНОСТЬ» за 1930 год можно заказать у Редакции по цене 1 доллар 50 центов, с пересылкой. Красивый коленкоровый переплёт. Золотом оттиснут весь символический заглавный рисунок «Верности».

ПЕРЕПЛЕТЕННАЯ «ВЕРНОСТЬ» за 1927—1930 годы в таком же красивом, с золотым тиснением, переплёте предлагается по 2 американских доллара, с пересылкой.

Посылка подписных платежей на «Верность» из Румынии может вызвать некоторые затруднения при прямых переводах в Редакцию. Поэтому подписчики могут приобретать американские доллары в провинции и посылать A. Dobrinin, Bethel Pyst, Had Nea Herta, 10, Chisinau. Брат Авербух любезно оказывает помощь в деле пересылки денег и приёма новых подписок в Румынии. Доллар расплачен, и немного дороже курса, для покрытия пересылочных расходов.

Для ускорения затребованных подписчиками «Верности» просьба сообщать об оплате открыткой.

Не медлите подписаться на «Верность» на 1931 год!

При беседах с неверующими масса вопросов возникает относительно дивной истории шестидневного творения мира. А сколько глубокомысленного материала в повествовании о ковчеге Ноя, о великом потопе! Недоумевают, как остановилось солнце в дни Иисуса Навина. Масса кривотолков по поводу Ионы и кита. По этим вопросам и по многим другим вы найдёте духовное, умное, научно обоснованное разъяснение в книжке Артура Гука. Выписать можно от Редакции «Верности». Цены с пересылкой: 30 американских центов в переплёте и 22 американских цента в обложке. Снабжайте неверующих этой содержательной и красивой книжкой.

Полные карманные "гусли" (самый содержательный, удачный, популярный сборник гимнов) только что выпущен в новом издании «Верности», с приложением 72 духовных песен, впервые тщательно отобранных из разных сборников, — содержание и названия которых пользуются в многих христианских собраниях особой любовью. Отбирались дополнительные гимны так, чтобы в одном маленьком сборнике оказалось всё ценное из других сборников, и чтобы лучшее новое издание «гуслей», с дополнением, имело размер, пригодный для небольшого кармана. Удобно составлены и расположены оглавления. Размер сборника: ширина 9½ сантиметров, длина 14½ сантиметров, толщина 1 сантиметр!

И в такой маленькой изящной книжке помещено, без малого, 600 гимнов, на прочной плотной

бумаге. Такого отличного издания русского сборника ещё не было.

Цены с пересылкой (в американских долларах-центах):

- В хорошем переплёте, на бумаге, лучше прежнего издания.

- В хорошем переплёте, на прекрасной белой плотной бумаге.

- В твёрдом и мягком кожаном переплёте, белая плотная бумага.

- В мягком и твёрдом кожаном переплёте; белая плотная бумага; золотой обрез, как на роскошных Библиях.

Для перепродажи, при значительных заказах, значительная скидка. В «гусли» №№ 2, 3, 4 вшиты шёлковые ленты-закладки. Перечень дополнительных гимнов смотрите в августовско-сентябрьском номере с.г. «Верности».

ПЛАТЕЖИ — ПРИ ЗАКАЗАХ. Иначе Склад лишён возможности посылать книги.

ВАЖНО! Если платежи на имя редакции «Верности» посылаются почтовыми денежными переводами, то убедительная просьба уведомлять Редакцию обязательно отдельной открыткой о высылке денег, так как переводы на почте иногда подолгу задерживаются и могут затеряться.

Прямо в Редакцию следует посылать платежи, а не через другие организации. Мы хотим последним освободить от лишних забот.

ИЗ ПОЛЬШИ, РУМЫНИИ, АМЕРИКИ и КАНАДЫ порядок платежей за книги и за «Верность» следующий:

ИЗ ПОЛЬШИ — посылать доллары или злотые (девять злотых за доллар) ценными, страховыми письмами (у кого сургучной печати нет, те могут сделать оттиск на сургуче, хотя бы каким-нибудь металлическим предметом); можно посылать также переводами «Miedzynarodowy przekaz pocztowy», в злотых. Где это невозможно, оттуда — посылать в заказном письме злотые (девять — за доллар); швы конвертов надо заклеивать хорошо марками, где позволят.

ИЗ РУМЫНИИ — в денежных или заказных письмах посылать доллары амер. или леи (200 лей за каждый доллар).

ИЗ АМЕРИКИ и КАНАДЫ — посылать money-order через любую почту. Из глухих мест можно посылать наличные доллары в заказных, хорошо заклеенных письмах. Значительные платежи из всех стран лучше посылать всегда банковскими переводами в заказных письмах. За расходы по переводам банки ничего не считают. Платежи желательнее — в долларах.

Подписывайтесь на «Верность» и поддерживайте её в это нелёгкое время!

«ВЕРНОСТИ» (посылаемые пачками в распределительные пункты) стоят: для стран, в которых годовая цена полтора доллара, — по 13 американских центов и для стран, в которых годовая цена доллар, — по 10 американских центов.

НЕ ВЫСЫЛАЮТСЯ одиночные номера «Верности». Заказы могут быть выполнены лишь на полные годовые комплекты.

Братья-рисовальщики

«ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА», редкая теперь по-русски книга, поступила в небольшом остатке для продажи в редакцию «Верности».

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «ВЕРНОСТИ»

ТОЛКОВАНИЕ КНИГИ БЫТИЯ доктора богословия А. И. Гэбелейна Arno C. Gaebelein, D. D. Толкование весьма духовно, мудро, схематично, научно, ясно. Оно отличается чёткой краткостью, дающей, однако, сильные толчки к усвоению главного и к самостоятельному проникновению в Св. Писание. Родословия, например, многим кажутся скучным предметом, но автор увлекательно оживляет их и извлекает из них захватывающее назидание. Автор — выдающийся библейский толкователь, десятки лет изучавший и возвещавший глубины Библии. Книга издана тщательно. Заказывать можно у «Верности». Цена в красивой плотной обложке с пересылкой — по 30 американских центов.

БЛАГОВОЛИТЕ ЗАМЕТИТЬ!

ПЕРЕМЕНА АДРЕСА «ВЕРНОСТИ» Рукописи, подписки, заказы, платежи, посылки, грузы, письма и прочее просьба направлять только по адресу:

Редакция «Верности», 1213 N. Franklin St., Philadelphia, Pa., U.S.A.

ЛИЧНО А. В. ДОБРЫНИНУ всякого рода корреспонденцию просьба адресовать также только по адресу:

A. Dobrinin, 1213 N. Franklin St., Philadelphia, Pa., U.S.A.

Книги изд. «Верности»:

Толкование Откровения Иоанна — доктор Сейсс в переплёте по 70 амер. центов, в обложке по 55 амер. центов.

Достоверность Библейских Чудес — Гук в переплёте по 30 амер. центов, в обложке по 22 амер. цента.

Сораспятие — по 9 амер. центов.

Отношение христиан к политике — Берсье, по 8 амер. центов.

Пересылка включена. Заказывать от редакции «Верности».

ПЛАТЕЖИ — ПРИ ЗАКАЗАХ.

ПОЛНЫЕ КАТАЛОГИ на обильную русскую Евангельскую литературу требуйте от редакции «Верности».

Вся корреспонденция, отправленная за последнее время на имя «Верности» и А. В. Добрынина по старому адресу в Финляндии, будет аккуратно переотправлена на новый адрес — в Филадельфию (Америка). Беспокоиться за эти последние отправления по старому адресу не следует; но только нужно иметь в виду, что, так как они требуют переадресования, то содержащиеся в них просьбы и распоряжения сотрудников, читателей, заказчиков и всех друзей несколько задержатся с рассмотрением и исполнением.

ВСЕ верующие усердно ПРИГЛАШАЮТСЯ ПОСЫЛАТЬ «ВЕРНОСТИ»: статьи, письма, описания — дух. работы, исключительных переживаний, обращений, перехода в вечность, исторические заметки о деле Божьем, выдержки из других печатных духовных источников, оригинальные рисунки, фотографии и т. п. В рукописях необходима ЯСНОСТЬ. Просьба — посылать ТОЛЬКО НАЗИДАТЕЛЬНЫЙ ДЛЯ ВЕРУЮЩИХ, ОРИГИНАЛЬНЫЙ материал, не печатающийся в других русских журналах, во избежание бесполезного повторения. Призывной материал для неверующих «Верность» не намерена печатать, экономя место материалу для христиан. Рукописи, при необходимости, сокращаются и исправляются. Непринятые к печати рукописи НЕ возвращаются, и в переписку о них редакция не имеет возможности вступать.

Просьба помнить, что ВЕРНОСТЬ — ВНУТРЕННИЙ орган Евангельских верующих. ДЛЯ ВНЕШНИХ людей имеется масса другой, более понятной им, духовной литературы. Если адрес на бандероли с ошибками, просьба — указать редакции точное исправление. О перемене адреса просьба уведомлять редакцию немедленно.

Убедительная просьба — ПРИСЫЛАТЬ НОВЫЕ АДРЕСА верующих и всех христианских групп, посылка которым «Верности» была бы полезна. ЯСНОСТЬ адресов на местных языках необходима.

Годовая подписная цена на «ВЕРНОСТЬ»:

1:00 АМЕРИКАНСКИЙ ДОЛЛАР — для стран: Польша, Латвия, Эстония, Германия, Литва, Турция, Болгария, Франция, Китай, Бельгия, Швейцария, Финляндия, Чехословакия, Греция;

1 ДОЛЛАР 50 ЦЕНТОВ американских — для стран: Америка, Англия, Канада, Бразилия, Австралия, Япония, Аргентина.

Оплату «Верности» и великодушную помощь для бесплатной высылки её многим неимущим, верующие благоволят посылать редакции переводами — банковскими и почтовыми, или же деньгами крупных стран в заказных и денежных страховых письмах. Швы конвертов нужно заклеивать тщательно.

Во избежание уплаты редакцией двойного почтового сбора просьба — оплачивать письма полностью, как заграничные, если они не из Финляндии. Сохраняйте номера «Верности»!

Печатается в Ревеле — Эстония, в типографии «Свободная Страна».

Журнал «Верность» № 1-2 январь-февраль 1931 г.

Комментарии
